

Дети-солдаты в Африке: единичное явление?
Необходимость исторического взгляда
Жан-Эрве Жезекель

Муссируемый СМИ образ африканского ребенка-солдата здесь рассматривается исторической перспективе: в данном очерке автор рассматривает идею детей войне в целом – значимую в разное время также для Европы и Америки – демонстрирует необходимость более подробного ознакомления со статусом детей Африке.

В случае африканских конфликтов вопрос о детях на войне сначала был удел гуманитарных организаций. Впрочем, интерес к этой проблеме возник относительно недавно. В девяностые годы в странах Африки, расположенных южнее Сахары произошло большое количество гражданских конфликтов (в Либерии, Сьерра-Леоне, Сомали, Бурунди, Руанде, Конго-Браззавиль, Конго-Киншаса, Судане, КД'Ивуар и т.д.). Массовое использование детей в качестве солдат, по мнению международного сообщества, является одной из основных характеристик африканских кризисов, происходящих после окончания холодной войны. Образ африканского ребенка, несущего автомат Калашникова больше него самого является символом типично африканской жестокости, жестокости поистине варварской, которая, на западный взгляд, превышает пределы допустимого рационального.

Международные неправительственные организации, например правозащитная организация Human Rights Watch или коалиция Stop the Use of Child Soldiers («Прекратите использование детей-солдат») провели активную кампанию против использования детей на войне. Если эти организации и привлекли внимание к участию детей в конфликтах в странах Латинской Америки (Колумбия), Ближнего Востока (Палестина) или Азии (Бирма), Африка все же чаще всего упоминается как континент, больше всего затронутый этой «недопустимой практикой». Так, девяти докладов об использовании детей-солдат, сделанных Human Rights Watch последние десять лет, в семи упоминаются страны Африки, расположенные южнее Сахары.

Эти гуманитарные кампании поощрили и сопроводили принятые международным сообществом соглашения, ограничивающие набор несовершеннолетних в армию во время военного положения, и закрепили общие права ребенка. Хотя на особую защиту в военное время дети имеют право после Женевской конвенции 1949 года, дети-солдаты впервые были упомянуты в международных гуманитарных докладах только в 1977 году, когда были приняты Дополнительные протоколы. И, наконец, только в 1989 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах ребенка, на данный момент ратифицированную большинством государств – членом ООН. Этот свод международных соглашений впервые подвергся серьезному испытанию в течение конфликтов, потрясших африканский континент в 1990 году. Он послужил юридическим основанием для вынесения приговора некоторым активным участникам военных действий и вооруженным движениям, которые использовали несовершеннолетних. Последняя по счету – «Армия Сопrotивления Господа» (LRA), руководителей которого после девятнадцати лет военных действий в Уганде Международный уголовный суд (МУС) обвинил в военных преступлениях, а именно в похищении и вербовке в солдаты тысяч детей. Это обвинение могло бы создать прецедент и послужить угандской армии юридической поддержкой в захва

мятежных вождей, скрывающихся в настоящее время в Южном Судане. Международные законы о детях на войне являются одним из документов оправдывающих перестройку международных отношений после окончания холодной войны.

Юристы и правозащитники в своих выступлениях также отметили, что накоплен уже значительный материал о детях на войне. Они используют его главным образом, для выдвижения требований остановить тех, кто совершает насилие над детьми и обращает их в жертв. Эти выступления также основаны на нормативном и прескриптивном подходе к рассмотрению этой проблемы, в котором строятся и действия гуманитарных организаций непосредственно на местах событий: как помочь этим детям снова влиться в социальную и экономическую систему, как реадaptировать их в системе образования, как помочь им справиться с психологическими проблемами, как вернуть детство тем, кто его лишился?

Эти выступления, посвященные детям на войне, возможно, стоило бы рассматривать в более широком контексте. Большая часть речей, произнесенных «международными участниками» по поводу африканских конфликтов последних десятилетий, имеет тенденцию сравнивать их с преступными операциями, единственной мотивацией совершения которых являются хищничество и обогащение. При нынешних обстоятельствах, объявление использования детей в качестве солдат варварской и преступной практикой преследует ту же цель – лишение африканских конфликтов политической значимости и объявление их сугубо криминальными. Подчеркивая эту связь, можно уже не стараться принизить значение знания, накопленного «гуманитарными экспертами». Кажется бесполезным и даже слегка ошибочным избобличать, вслед за другими, чрезмерную упрощенность или карикатурный характер исследований, предпринимаемых этими гуманитарными организациями. Представляется, что на них оказывают сильное влияние, требуя, с одной стороны, краткосрочных действий или действий средней продолжительности, и, с другой стороны, чтобы они не выходили за рамки представлений о сугубой криминальности африканского насилия.

Данная статья имеет, прежде всего, историографическую цель. Она никоим образом не претендует на отдельное исследование и не предлагает никакого нового подхода к проблеме детей-солдат. Она ставит целью лишь показать, в какой мере знание истории и социальных наук в целом может подпитывать и дополнять выступления сотрудников гуманитарных организаций о проблеме детей на войне, также вносить в эти выступления необходимые корректировки. Эти данные также выявляет темные пятна и пробелы в современной исторической науке и призывает к более внимательному исследованию проблемы детства в Африке. Историк, который может определить место использования детей-солдат в более долгосрочной динамике и сопоставить его с историей детства в целом, рассмотренной более точно и детально, в этом случае, похоже, есть что сказать. Кроме того, мы призываем историков обратить внимание и на другую проблему, которая ранее затрагивалась только поверхностно, но, тем не менее, заслуживающая нашего пристального внимания.

Беглый взгляд на африканскую и западную историю позволяет для начала проанализировать точку зрения, согласно которой ребенок-солдат – это нечто экзотическое, исключительный продукт современных африканских кризисов. Рассмотрев все периоды истории континента, можно затем попытаться вникнуть в специфику использования детей в современных конфликтах. Мы можем сослаться на исторические изыскания, которые могли бы установить непрерывность чередования войны и мира.

Ребенок-солдат: насилие влечет за собой другое насилие?

Ребенок-солдат стал символом африканского континента, идущего собственными

путем, «оси зла», чего-то решительно чуждого западной современности. Этот ребенок становится целью нового «крестового похода гуманитарных миссий» новой западной политики вмешательства, которая имеет много нравоучительных параллелей с цивилизаторскими миссиями прошлых веков. Помимо искренних гуманитарных мотиваций, нужно понимать, что детей объявляют основной причиной попыток придания законной силы западным вмешательствам в Африке. Таким образом, массовое военное и финансовое вмешательство международной общественности в Сьерра-Леоне, которое привело к тому, что сейчас эта страна является протекторатом ООН, частично опиралось на необходимость помощи детям – жертвам конфликта.

Действительно ли африканский континент владеет печальной монополией на использование детей в качестве солдат, невероятное насилие, которое могло бы оправдать западную политику вмешательства? Именно здесь историк может добавить к спору о детях на войне эвристические сравнительные перспективы. Гуманитарные выступления, прочно закрепившиеся в настоящем времени, делают ребенка-солдата симптомом африканских кризисов постколониальной эпохи. Они трудом могут осознать почти «обыкновенный», к несчастью, характер явления «эксплуатации детей» во время войны. Дети-воины не являются прерогативой африканского континента, так же как и не являются простым выражением кризисов, которые разражаются в южных странах на их пути к современности.

Чтобы подтвердить это, даже нет необходимости обращаться в далекое прошлое, к «крестовому походу детей» в начале XIII века. Сабина Лори напоминает, что в Пруссии «Кантонная система комплектования войск (Kantonsystem) введенная в 1733 году Фридрихом-Вильгельмом I, «королем-солдатом», обязывала всех подданных мужского пола по достижении десятилетнего возраста проходить военную подготовку в течение двух или трех месяцев в году». Западные историки также выявили, что во время великих войн XIX и XX веков дети являлись в одно и то же время и виновниками, и частыми жертвами военной жестокости. В своих соответствующих работах, Элеонор Бишоп, Эмми Вернер и Деннис Кизи удачно подчеркнули роль детей-солдат (boys soldiers) в американской гражданской войне. В Франции исследования Стефана Одуэн-Рузо, посвященные Первой Мировой войне, показывают, сколько детей стало жертвами специфического насилия, о котором очень быстро замолчали, чтобы не усугублять их травм. Немецкий исследователь Гвидо Кноп написал очень интересную монографию об использовании детей фашистской армии.

Из этих работ следует, что в военной ситуации дети иногда в одно и то же время и осуществляют насилие, и являются его жертвами. По поводу менее открытого конфликта, историк Тара Зара обнародовала тот факт, что чешские и немецкие национальные движения в период между двумя войнами оспаривали друг у друга детей, готовые отобрать их у семей по праву распоряжаться ими как достоянием нации. В самой Африке дети также были излюбленной мишенью жестокости колонизаторов. Во время усмирительных кампаний французские офицеры захватывали в заложники детей, предпочтительно из потомства местных старшин, чтобы затем отправить их в школы и внушить им идеи, удобные колонизаторам. Во Французском Судане (в настоящее время Мали), одна из первых школ, открытых колониальной администрацией, долгое время носила название «школа заложников», пока после завоевания ее не переименовали в «школу сыновей руководителей». В первые годы колонизации, когда еще бушевала «усмирительная кампания», помещение детей в школы, насильно производимое по требованию администрации, часто производилось как похищение. Бубу Хама, бывший нигерийский учитель и политик, рассказывает в своих мемуарах о том, как его собственная мать во время его принудительного отправления в школу оделась траур.

Подавление колонизаторами мятежей или движений протеста иногда очень жестоко отражалось на детях. В начале XX века в Намибии немецкие войска получили приказ не щадить никого из племени Хереро: немецкий генерал фон Трота особо приказал своим войскам казнить каждую женщину и каждого ребенка хереро, который вышел бы из пустыни Калахари и попытался бы вернуться на захваченные колонистами земли. В Кении, в пятидесятые годы, политика подавления восстания Мау Мау была особо нацелена на детей племени Кикиу. Их заключали в лагерь, где особые ритуалы должны были очистить их от договора с Мау Мау. Чтобы обеспечить возвращение к крепкому колониальному порядку, следовало, по мнению британских властей, «сохранить» и «очистить» молодое поколение кикиу. Сам движением Мау Мау вербовало маленьких детей, заставляя их по достижении восьми лет проходить ритуал принесения клятвы и используя их, затем, в различных целях (разведка, выполнение хозяйственной работы в лагерях, а иногда и бой).

Таким образом, вербовка детей или выбор их в качестве цели в военный период не является чем-то сугубо африканским, но представляет крайне широко распространенное явление. Печально распространенный характер эксплуатации детей или «нацеленности» на них в военные времена не должен, однако, являться помехой тому, чтобы выявить или подчеркнуть некоторую специфику, присущую истории африканского континента.

Дети Африки. Исторический взгляд

Обращение к истории западных обществ и к колониальной истории позволяет понять, почему в насилии, осуществляемом над детьми в африканских конфликтах, нет ничего совершенно необычного, или же, по крайней мере, оно не является проявлением какого-либо варварского атавизма, присущего африканским обществам. Тем не менее, дети, участники или жертвы насильственных действий, похоже, играют особую роль в конфликтах, происходящих в странах Африки, расположенных южнее Сахары, после окончания холодной войны. Хотя это явление не ново само по себе, похоже, оно занимает в Африке более важное место, чем когда-либо было.

Этот факт, однако, оспаривается некоторыми авторами, которые справедливо замечают, что феномен детей-солдат не является исключительно африканским. Изменяется только контекст, в котором рассуждают об этих детях. Во время гражданской войны в Америке или Первой Мировой войны участие детей в военных действиях одобрялось и воспринималось в весьма специфическом контексте, контексте «ребенка-героя». Действия этих детей назывались «героическими», а их возможная смерть воспринималась как жертва во имя высших ценностей нации. Напротив, участие детей-воинов в африканских конфликтах всегда оценивается негативно, и речь идет о ребенке-жертве и украденном детстве. Никакие ценности, никакие высшие интересы не могут оправдать использование детей, поступление которых на военную службу главным образом воспринимается как результат насилия или манипуляций со стороны взрослых. Работы Пола Ричардса и Пете Крийна показали, однако, что африканские дети-солдаты политически сознательны и их поступление в армию, даже под принуждением, является иногда средством обеспечить их выживание или выживание их близких. Кроме того, тогда как исторической памяти западных обществ сильно сгладились факты насилия над детьми, в африканских конфликтах эти факты, напротив, выходят на первый план. Изобличение этих фактов является способом оправдать интервенционистские тенденции Запада, охотно читающего мораль, но имеющего короткую память. Эта точка зрения, с контексте долгой истории отношения Запада к континенту, преподносит образ варварской Африки, кривое зеркало, которое поддерживает уверенность западных обществ в том, что они являются более развитыми.

цивилизацией. Если критический взгляд оправдан, то он все же не исключает существования других причин, которые объясняют использование детей в качестве солдат некоторой спецификой современной африканской истории.

Международные организации, заинтересованные в разрешении конфликтов также пытались понять важность детей-солдат в африканских странах расположенных южнее Сахары. Распространение легкого оружия часто называют одной из причин набора детей в солдаты: возможность легко получить доступ к такому «легкому» и одновременно разрушительному оружию, как АК47, могло объяснить использование детей, которых можно легко превратить в машины убийства, независимо от их физической силы. Однако этот аргумент был пересмотрен несколькими специалистами, которые отмечают, что современное оружие не намного легче огнестрельного оружия XIX века. Другой аргумент основывается на предположении, что дети не чувствуют страха, потому что осознают опасности, и от них легче добиться абсолютной преданности. Этот аргумент далеко не бесспорен, и, к тому же, не объясняет, почему использованы дети-солдат в Африке в настоящее время, как утверждается, возросло.

Очевидно, здесь необходим исторический взгляд, чтобы воссоздать диахронический аспект, в котором использование детей в конфликтах этой части Африки приобретает другой смысл. Точнее, возникает впечатление, что мы сможем понять природу этого явления, не рассмотрев его в общем контексте средне- и долгосрочной истории положения детей в африканских обществах.

Для начала, необходимо вспомнить, что детство – не только биологическая но и общественная категория, история которой по-разному реализуется в зависимости от того, в Европе мы или в Африке. Филипп Арьес тоже поддерживал точку зрения, что понимание детства как состояния невинности, а положения детей как несхожего с положением взрослых – относительно недавнее представление свойственное только западным обществам. Несмотря на некоторую спорность эти работ, их заслуга заключается в том, что они выдвинули предположение, что детство является категорией, которую необходимо рассматривать с исторической точки зрения. Таким образом, понятие совершеннолетия, которое в западных обществах в международных соглашениях является основным ограничением использования детей-солдат, пока с трудом приложимо к африканским обществам. Это понимание детства, вероятно, начало проникать в них со времен колонизации, но не хватает данных, чтобы оценить изменения, вызванные сосуществованием нескольких представлений о детстве. Африканские общества разработали и частично сохраняют свое собственное понимание детства. Из работ антропологов, например Мерриан Ферм, можно сделать вывод, что детство в этой части Африки частично понимается как период неясности, гибридное и неустойчивое состояние. Во всяком случае, отношение к участию детей в военных действиях не претерпело заметных изменений. По мнению Сабины Лорига, на Западе вопрос возраста солдат был поставлен только во второй половине XVII века по двум существенным причинам: возросший процент смертности среди людей среднего возраста и проблемы офицеров с установлением дисциплины среди самых молодых кадров. В XIX веке «за несколько лет присутствие детей в армии было искоренено и сменило различными системами допризывной подготовки <...>. Связь между войной и юношеским «созреванием» медленно формировалась на протяжении всего XIX века и повсеместно распространилась и окрепла только в первые десятилетия XX». В пределах Европы, это новое восприятие проблемы детей и войны, возникшее на Западе, инспирировало повсеместное составление международных конвенций о детях. Тем не менее, ничто не позволяет заключить, что это недавнее явление западного мира, зачастую нарушавшееся во время войн XX века, затронуло африканский континент.

Разница между историей детства в Африке и на Западе выражается не толь

в терминах отвлеченных представлений. Экономические структуры так же по-разному интегрируют детей: западное общество с конца XIX века стремится к тому чтобы исключить ребенка из производительной системы, и расценивают его только как потребителя, а в африканских обществах ребенок все еще является производительной силой, которую важно уметь мобилизовать. Помимо других исследований, работа Сары Берри об экономических трансформациях и понятии связей в обществе йоруба хорошо демонстрирует, что, хотя отношения детей родителей меняются, восприятие ребенка как потенциальной рабочей силы все еще сохраняет актуальность.

Историки также интересуются особенностями мобилизации детей в качестве рабочей силы в африканских обществах. Так, некоторые авторы подчеркивают, что трансатлантическая торговля лишила многие общества трудовых ресурсов, слишком рано навязала обращение к женскому труду и труду маленьких детей в качестве необходимости для обеспечения нужд сообщества. Губительные последствия этой торговли могли бы, по крайней мере, объяснить, почему африканские общества считают ребенка важным ресурсом, парой рабочих рук и поддающейся мобилизации трудовой силой, как в мирное время, так и во время войны. Тем не менее, далеко не все историки, изучающие время трансатлантической торговли, соглашались с этим доводом. Помимо того факта, что рабство не затронуло различные африканские племена ни одинаковым образом, и с одинаковой остротой, некоторые историки отмечают, что дети сами стали жертвами торговли. Например, Дэвид Элтис полагает, что от четверти до трети рабов, вывезенных в Новый Свет, составляли дети в возрасте менее 14 лет. Согласно Полу Лавджою, разделение между экспортированными рабами и рабами используемыми локально, проходило, скорее всего, по половому признаку, чем по биологическому возрасту. Он считает, что в XIX веке около 70% рабов – жертвы трансатлантической торговли составляли мужчины с прогрессирующим количеством детей. Развитие рабства в самой Африке, вне зависимости от того, находилось ли оно в какой-либо связи с трансатлантической торговлей, превратило детей в излюбленную мишень тактик насильственного захвата и мобилизации рабочей силы. Работы Розалинд Шоу на тему воспоминаний о рабстве в Сьерра-Леоне показали, что в устной традиции и сказках сохранилось множество историй о похищении детей животными из чащи. Рассказы, которые отражают, вероятно, страх, что ребенок похитят торговцы людьми. Влияние трансатлантической торговли, и, в более широком смысле, доколониального рабства на статус детей в африканских обществах, и их возможная связь с логикой использования детей в военное и мирное время должны быть, однако, изучены более тщательно. Возможно, различно необходимо делать в зависимости от разности обществ, которые по-разному переживали время работорговли. Возникает вопрос, повлекла ли отмена рабства во время колонизации какие-либо значительные изменения в положении детей-рабов.

Согласно историческим исследованиям о труде, отмена рабства, далекая от простого выражения гуманитаристской прихоти по отношению к Африке, позволила утвердить другие формы мобилизации и эксплуатации африканского ручного труда, более приспособленные к новой колониальной экономике. Исследования затрагивающие вопрос именно детского труда, встречаются очень редко. Бевер Грайер отмечает, что в течение колониального периода в Южной Родезии (настоящее время Зимбабве) использование детского ручного труда составляло ключевое звено колониальной экономики, отчасти связанное со структурой патриархального общества и упрощенное колониальным законодательством. Гамильтон Сифо Симелан приходит к похожим выводам относительно колониального Свазиленда. Эти два исследования, к сожалению, имеют относительно узкую направленность и касаются только специфических особенностей Южной Африки.

Очень ощутимо отсутствие исследований о статусе детей в доколониальных колониальных африканских обществах. Не считая некоторых работ об отдельных категориях, например, метисах, или о роли детей в колониальной пропаганде историку приходится столкнуться с историографическим пробелом. Категория молодых, конечно, вызывает растущий интерес среди историков-африканистов, и они пока еще редко предпринимают отдельные исследования о детстве. Это отсутствие работ провоцирует в наше время рост количества неточностей многочисленных обобщений об истории африканских детей на войне. Таким образом, в то время как Оливер Ферли, основываясь на изучении обществ Маса утверждает, что доколониальная Африка не знала такого явления, как дети-солдаты Дэвид Роузен считает, базируясь на примере обществ Менде, что использование детей на войне – доколониальная практика, связанная с работорговлей. В докладом сделанном для Института Исследования Проблем Безопасности (Institute for Security Studies), Том У. Беннет говорит именно об этой проблематике. Ему принадлежит одна из тех редких исследований, которые рассматривают использование детей-солдат исторической перспективе. Его статья, основанная, главным образом, на вторичных источниках, снова выдвигает теорию, что использование детей-солдат является древней «африканской традицией». Автор, ограниченный своими источниками, однако, затрудняется дифференцировать категории молодежи, подростков и детей, что серьезно ограничивает практическую ценность его работы. В любом случае ранее упомянутые авторы основываются в своих трудах на исследованиях в антропологии или истории, не останавливающихся подробно на проблеме детей на войне. Отсылки современных экспертов к истории кажутся очень приблизительными, хотя бы по факту отсутствия точных знаний. Даже если касаться проблемы детей-солдат, срочная необходимость в обращении к истории для изучения проблемы детства в Африке все равно существует.

Постколониальная динамика изучена, возможно, немного лучше, особенно в отношении воюющих стран. Роль, которую в этих странах играют молодые бойцы-дети-солдаты действительно вдохновила антропологов, социологов и политологов на обращение к современной истории. Работы Абдуллы Ибрагима и Патрика Муана о политической мобилизации молодежи в Сьерра-Леоне в этом отношении крайне интересны. Они доказывают, что набор молодежи в армию во время гражданской войны в Сьерра-Леоне вписывается в картину развития политической культуры насилия и вербовки молодежи политической элитой начиная с 1970 года. Эти действия политико-милитаристских предпринимателей подобны, по мнению ученых, использованию почти рабского детского труда в разработке алмазных копей Сьерра-Леоне в мирное время. Эти работы побуждают вновь рассмотреть более глубоко историю вопроса детей-солдат в колониальной и постколониальной африканской экономике.

Вездесущий образ ребенка-солдата, понимаемый как сугубо современное проблемное явление, мешает увидеть непрерывную череду насилия, совершаемого над детьми, как в военное, так и в мирное время. Сегодня образ ребенка-шахтера, эксплуатируемого в открытых шахтах Сьерра-Леоне или Восточного Конго не вызывает такого ажиотажа и такого международного резонанса, как образ ребенка-солдата. Однако эти две картины африканского детства тесно связаны между собой.

Наконец, необходимо отметить существование многообещающего направления исследований, развивающегося в политических и антропологических науках, но еще не завоевавшего себе места в науках исторических. Некоторые исследователи, например, Пол Ричардс, пытаются выйти за пределы разговоров о «эксплуатации» детей-солдат. Даже если они стремятся к разоблачению насилия над детьми на войне, они, тем не менее, стараются показать, что дети являются активными участниками, способными демонстрировать свою собственную тактику в поле предписаний, диктуемых войной. Подобно героям фильма *Turtles can Fight*

действие которого происходит в лагере беженцев на севере Ирака, дети становятся активными участниками происходящего, рамки действия которых оказывают иногда шире, чем у старших поколений. В военных ситуациях иногда случаются моменты превращений, когда взрослые теряют свое превосходство над детьми: целые города оказываются во власти подростковых банд, не всегда всецело подчиняющихся своим руководителям. Из предварительных работ, например Кристиана Джеффри, можно сделать вывод, что для некоторой части мозамбикской молодежи добровольное поступление в ряды вооруженных движений было своего рода способом избежать маргинализации в обществе, разрушаемом экономической и социальной интеграцией. Эти вооруженные движения включают настоящие «общества воинов», в которых молодые могут пройти на пути от пленника и молодого бойца определенную иерархию ролей и статусов. Алсинда Хонва развивает эту теорию о самых молодых категориях бойцов. Не отрицая существования подчинения и принуждения, она подчеркивает, что молодые бойцы «занимают промежуточную социальную нишу между миром юношества и миром взрослых, которая обуславливает их образ жизни. В этой двойственной категории они не лишены возможности действия. Невинные и виновные в одно и то же время они, скорее, являются активными тактическими участниками». На самом деле, если внимательно прочесть произведения Амаду Курума или Кена Саро-Вива, становится ясно, что использование детей-солдат, абстрагируясь от применения к ним насилия, не лишено смысла. Речь в этих произведениях идет, вероятно, о пробеле в исследованиях, заполнение которого – вопрос трудный и щекотливый, но в котором, возможно, проявляется более глубокое понимание проблемы вовлечения детей и подростков в конфликты современной Африки. Те, кто интересуется вопросом детей на войне в странах Африки, расположенных южнее Сахары, должны обратиться к истории. Исторический взгляд необходим, чтобы отойти от разоблачительного и прескриптивного подхода гуманитарных организаций, лишенного значения, но не отражающего реальную суть явления. Подход с точки зрения истории позволяет показать относительность так называемого своеобразия африканских конфликтов, и, к несчастью, подчеркнуть трагическую банальность использования детей на войне. Историк должен также исследовать роль разнообразных форм действий детей-солдат в конфликтах 1990-х годов. Вперед, долгий путь, и данная статья смогла только выявить недостаточность исторических работ о статусе детства, в противоположность тематике молодежи, порождающей все возрастающее число исследований. Пока слишком недостает данных, чтобы оценить воздействие работорговли и последующей колонизации на представленную о детях и их состоянии в странах Африки, расположенных южнее Сахары. Однако можно выдвинуть гипотезу, что исследование проблемы детей-солдат много выиграло бы от рассмотрения в более долгосрочной перспективе: разрыв между военным и мирным временем затеняет, возможно, понимание роли и смысла эксплуатации детей в африканских обществах. В этом смысле, историк может принести пользу деятелям гуманитарных организаций, вынеся на всеобщее обозрение удивительное сходство между образом ребенка-солдата во время войны и ребенка-шахтера в мирное время.

Жан-Эрве Жезекель – агреже исторических наук и доктор Высшей Школы социальных наук (EHESS). В настоящее время преподает в университете Эмори (Emory University, Атланта). Недавно вышла его книга « Преподаватели как политическая элита во Французской западной Африке (1930-1945). Заводил сорванцов на политической арене». *Les enseignants comme élite politique en AOF (1930-1945). Des « meneurs de galopins » dans l'arène politique », Cahiers d'études africaines, 178, 200*

Revue des revues, sélection de juillet 2006

Jean-Hervé JEZEQUEL : «Les enfants soldats d’Afrique, un phénomène singulier. »
article publié initialement dans la revue *Vingtième siècle. Revue d’histoire*, n°89, janvier-mars
2006.

Traducteurs:

Anglais: Edward Gauvin

Arabe: Hassan Abdel Hamid

Chinois: Yan Suwei

Espagnol: Claudia Riva-Palacio

Russe: Katia Beliavina

Droits:

©La revue *Vingtième siècle. Revue d’histoire* pour la version française

©Edward Gauvin/Bureau du livre de New York pour la version anglaise

©Hassan Abdel Hamid/Centre Français de Culture et de Coopération du Caire – Département
de Traduction et d’Interprétation pour la version arabe

©Yan Suwei/Centre Culturel Français de Pékin pour la version chinoise

©Claudia Riva-Palacio/Institut Français d’Amérique Latine pour la version espagnole

©Katia Beliavina/Centre Culturel Français de Moscou pour la version russe